

acta rossica

Антология русской поэзии в Польше 1917-1945

---

*Я здесь чужой, я здесь дышу едва,
Во мне звучат напевы и слова
иных времен, иных миров безвестных...
Владимир Бранд*

Выпуск II

* * *

Лев Гомолицкий - Эмигрантская поэма

Отпечатано в тысяча девятьсот тридцать шестом году в Таллине в количестве ста экземпляров. (14 с.) - J. & A. Paalman'n'i trükk. Tallinn, V. Karja 12. 1936. а.

Подготовка текста © Андрей Р. Мохоля

О вы, летучие листы!
Что бурей сорванныя птицы!
Мететесь в шумные порты
и европейские столицы.
Что им до ваших крыл - и так
земля в разливах душ и кликах! -
до ваших трой или итак,
крушений, подвигов великих.
И только новый одиссей
занять бы мог рассказом длинным
о древних ужасах морей,
о поднебесии пустынном,
мечтах под грузом портовым
в Марселе, Фриско, Санта Лючьи,
о царской гордости своим
великим неблагополучьем.
Средь возмущений и речей
опять колеблющих народы, -
о новой мудрости своей
безмолвной мысленной свободы.

***

Все богоделанно в природе:
богорасленные сады,
плакущей ивой в огороде
укрыты нищия гряды;
мироискательныя воды
у пастбищ мирное гремят;
кровосмесительные годы
отходят дымом на закат;
звуча, распевен полноречно
метал-ла глас, глагол-луча.
И человеку снова вечно
в дороге пыльной у ключа.

Как можно было в этом мире
кровописать, слезонеметь,
где в сереброоблачной порфире
луны яснеющая медь
над ночью черною блистает;
где белокрылые сады
метелью летнею слетают
в обвороженные пруды;
где златоогненная благодать
великолепствует и жжет,
где загорает смугло нагость:
блаженный в праздности народ!

В веках таинственной, чудесней
самозабвенный мир тверди
все те же пьянственные песни,
сильнее возгласов обид.
И самовидец дней жестоких,
былинки тростью шевеля,
блуждает в мире долуоких
и видит в первый раз: земля!
Неизследима коловратность
безумных лет. Где явь? где сон?
И на судеб земных превратность,
очнувшись, жалуется он.

Вот между белыми камнями
лучами высушенных плит
зеленой ящерицы пламя
из трещин пористых сквозит.
Специт согреться и не слышит
ударов трости над собой:
так мелко, задыхаясь, дышит,
вкушая каменный покой...

И узнает в себе он эту
нечеловеческую страсть:
к окаменяющему свету,
дыханьем только став, припасть.

2

"Пятнадцать лет тому могли мы
еще ждать чуда..." - и умолк.
Восходят облачные дымы
от папирос под потолок.
Рука с дымящей папиросой
равняет новый веер карт.
"Все это древние вопросы,
а на дворе - который март?"
И карты меткие взлетают
над душной пылью меловой,
и марты лет пустых блуждают
пустыней людной мировой.

Но вот, из воздуха азарта
невольный бражник и игрок
- еще в глазах летают карты -
вздохнуть выходит на порог.
Расстегнут ворот, дышит тело
- плоть распаленная - теплом.
А в мире за ночь побелело:
овеян белым сад и дом.
Упорный ветер охлаждает
медь раскаленных щек и век.
И по полям ночным блуждает
один, в раздумьи, человек.

3

Из опрокинувшихся чаш
туч дождевых - дымящей влаги
столпы идущие вдоль чащ,
от них кипящие овраги
- то пала солнечного вихрь! -
и демонов ночные встречи:
сквозь зыбь оконную - гул их
все приближающейся речи.
Их спор воздушный к рубежам
недосягаемым - доносит
в дыму, в огне. Быть может там,
где буря космы вехам косит,

сейчас - у сердца беглеца
шипят, спеша к пределам, оси,
над серой бледностью лица
граничных пуль летают осы,
и хлябь болотная - в кругу
вихре-вращения и -восстанья...

Священные воспоминания -
все, все! - на мирном берегу.
А в этих сотрясенных стенах
дыханье детское жены,
гуденье сонной крови в венах,
брожение мысленное - сны...

Всю ночь первоначальным полны
тела, забывшие века;
дыханья медленные волны,
на них уснувшая рука...
То - зыбь над бездной затаенной
- застынь - не мысль - полудыши! -
то бред и жалость полусонной
полуживой полудуши.
И днем, когда умы и души
не так уж мирны, как тела,
когда им кажется: на суше
их совершаются дела, -

восхищен мысленным виденьем,
ночную с демонами брань
дух вспоминает и - волненье
колеблет жизненную ткань.
Неотменяемую карой
возмездье - память о веках.
И понуждает мыслью вялой
он тело к жизни, к делу - страх.
Не так легка за эту жалость
к дыханью смертному - борьба.
Совидцу грозных дел осталась
сновидца зыбкая судьба.

***

Мир юн - ему едва дана
соблазном бездны - неизвестность.
А-даму ветхому нужна
плоть умудренная - телесность.
Устал адам от бездн - высот,
от - исторических волнений.
Но мира нет - его несет

по воле скрещенных течений.
То внешний вихрь, то буря из
ума ли, духа ли - уносит.
Остановись! остановись!
он мир и дух напрасно просит.

И вот - плывет у ног трава.
Растет - воздушное приволье.
Путиведущие слова:
пустынножитье, пустополье.
Нет неподвижнее часов,
когда в продолженном стремленьи
уже утеряно миров
"во-мне" и "вне" сокосновенье.
Не мир, но душ созревших строй;
Не хлеб, но мысленная пища.
Пустынножитель! рушь и строй!
в уме - миры и пепелища.

Не имена вождей седых,
не речи нового витии -
пустынножителей таких
еще нужны дела России.
Когда я с легкостью менял
места и судьбы и заботы, -
я часто малых сих встречал,
свершавших те же перелеты.
Случалось о бок с ними стоять,
шоссейные трамбуя плиты;
случалось вместе с ним таскать
бродячей труппы реквизиты.
В часы свободные потом
он мне рассказывал спокойно
скупым и грубым языком
о вечных подвигов достойном, -
напечатленное в уме.
Однажды молча на холме
лежали мы. Внизу блестела
тяжеловодная река.
Тяжелодымно облака
покоили над миром тело.
Он одуванчики срывал
и дул, и по ветру летела
их золотая шерсть. Взлетал
клок, опрозраченный зарею, -
чем выше - ярче, и седым
скользил сквозь тень. И этот дым
я с нашей сравнивал судьбою.

Я думал: вей, посевный дух!
зерном крылатым самосева
лети, несомный ветром пух,
пустыней странствия и гнева!
Чужие земли, как зола,
как камень огненный, бесплодны.
Широковейны и свободны
ветров летучие крыла -

май-июнь

Лев Гомолицкий

(*1903 Санкт-Петербург †1988 Варшава) - русский и польский писатель, литературный критик, график, журналист, публицист; в Польше с 1920 года, виднейший представитель русской эмиграционной поэзии в Польше, организатор и участник ряда литературных содружеств и кружков (Польша, Чехословакия), секретарь Союза русских писателей и журналистов в Польше, печатался с 1921 г.; поэтические сборники: Миниатюры (Варшава 1921), Дуновение (Варшава 1932), Цветник. Дом (Таллинн 1936), Сотом вечности (Варшава 1937), Притчи (Варшава 1938); книжные изд.: Об основах русской культуры. Достоевский и Толстой (Прешов-Чехословакия 1928), Арион (о русской поэзии в эмиграции, Париж 1939); другие произв.: поэма Варшава (Варшава 1934), Эмигрантская поэма (Таллинн 1936), баллада Ода смерти (Варшава 1937); в 1931 получил первую премию в литературном конкурсе Союза русских писателей и журналистов в Польше за сборник рассказов Ночные встречи (печатались в журнале Молва); сотрудник многих русских газет и журналов (Меч, За Свободу!, Новь, Содружества, Сполохи и др.), печатался в польской прессе на польском языке; участник Антологии русской поэзии в Польше, Сборнике русских поэтов в Польше, альманахах Якорь, Священная лира, Новь.